

Лауреат литературной премии «Электронная буква»

Евгения Кротова

АЛЬТЕРНАТЫ:

МИССИЯ ДЛЯ УСОПШИХ

ПОБЕДИТЕЛЬ конкурса «НОВАЯ ДЕТСКАЯ КНИГА»

номинация «ФЭНТЕЗИ. МИСТИКА. ТРИЛЛЕР»

Альтераты

Евгения Кротова

Альтераты: миссия для усопших

«Евгения Кротова»

2018

Кретьова Е.

Альтераты: миссия для усопших / Е. Кретьова — «Евгения Кретьова», 2018 — (Альтераты)

ISBN 978-5-04-181837-1

ФИНАЛИСТ конкурса "Новая детская книга 2018" в номинации "Фэнтези. Мистика. Триллер". Только одно решение, и твой мир больше никогда не станет прежним. Думала ли Лерка о последствиях, когда вмешалась в судьбу человека? Когда согласилась быть тем самым карающим мечом, орудием возмездия? Обостренное чувство справедливости, жажда новизны ощущений и стучащий в висках адреналин неожиданно привели её к пониманию, что она - альтерат. И единственная возможность выжить - выполнить миссию, миссию для усопших. Монстр, объявивший на нее охоту, тайны, загадки и любовь, дающая ростки там, где её совсем не ждешь - это мистический триллер "Альтераты".

ISBN 978-5-04-181837-1

© Кретьова Е., 2018
© Евгения Кретьова, 2018

Содержание

Пролог	5
Глава 1 Дар	7
Глава 2 Хрусталёва, 27	13
Глава 3	20
Глава 4	25
Глава 5 Знакомство	28
Глава 6 Соня и Даша	30
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Евгения Кретьова

Альтераты: миссия для усопших

Памяти Егора

Пролог

25 декабря

По улице Фестивальной, между домами семнадцать и девятнадцать, стояли два дома, брата-близнеца: облупленная бирюзовая краска, стены в неприличных лохмотьях штукатурки стыдливо хмурились покосившимися карнизами. В одном, хоть и приговорённом к расселению, ещё теплилась жизнь, пульсируя ароматами бабушкиного борща да редким топотом детских ног. Тот, что левее и ближе к проезжей части, уже стоял в ожидании сноса, плясь на торопливых прохожих пустыми глазницами оконных провалов. Осенние дожди заливали его нутро, разлетаясь шумливым эхом по безлюдным квартирам, зимняя стужа кралась узкими тёмными коридорами.

Мальчишки из дома напротив рассказывали, что по ночам чёрные прямоугольники окон озарялись бледным гнилушно-зелёным светом. И в нём, они клялись и божились, неистово тараща глаза и выпячивая губы, медленно скользили невесомые тени. Словно искали кого-то.

Гришка Столпов не верил рассказам. В свои одиннадцать лет он уже давно не ждал Деда Мороза, пересмотрел разоблачения всех телевизионных шоу про магов и экстрасенсов и был скорее практикующим скептиком, чем недоверчивым подростком.

– Вот пойдём сегодня к дому, сами всё и увидите, – кривился он, пряча длинные руки в карманы широких, изрядно поношенных брюк. – Нет никаких привидений.

Друзья смотрели на него с восхищением, тревожно вглядываясь в худое веснушчатое лицо.

И тем же вечером, часов около девяти, когда холодные зимние звёзды светят высоко и равнодушно, он притащил их к пустому жутковатому дому. Они устроили засаду в кустах неподалёку.

Окна соседнего, ещё не расселённого брата-близнеца бросали тусклые жёлтые квадратики на лысый неухоженный двор. Гришка посмотрел в небо:

– Луна полная. Если и есть там что – появится.

– Почему? – душно шептали Витька, Крош и Стомыч, Гришкины ближайšie друзья.

– Потому что в полнолуние открываются врата. И ведьмы шабаш устраивают, – деловито пояснил он, устраиваясь удобнее, точно не зная, что такое «врата» и как они «открываются».

А в следующее мгновение в окнах подвала мелькнул неверный серебристо-зелёный свет.

– Видел?! – Крош вытаращил глаза, толкнул Гришку в бок.

Тот скривился:

– Бомжи небось. Пойдём, посмотрим ближе...

И он, пригнувшись, направился к дому. Крош и Стомыч, промывав что-то невразумительное, остались в кустах. Только Витька выдвинулся вперёд, последовал за другом и замер за углом:

– Гри-иш, не надо. – Сердце бешено колотилось у самого горла, отдаваясь в барабанных перепонках. Он высунулся из своего укрытия почти по пояс, вгляделся в темноту и нерешительно сделал ещё один шаг вперёд.

Гришка лежал ничком, вглядываясь в черноту подвального оконца-отдушины, того самого, в котором недавно мелькнул загадочный огонёк.

– Гри-иш, – снова позвал Витька, оглядываясь на мелькающие за кустами фигуры прохожих.

– Шас-шас, – прошелестел тот, елозя по обледенелой земле.

Он достал из кармана телефон, включил в нём фонарик. Яркий синеватый луч полоснул по Витькиным глазам, и Гришка направил его внутрь, в черноту подвала.

И в следующее мгновение его душераздирающий крик запутался в неживых ветвях одинокой вербы, рассыпался над заваленным хламом двором. Витька, вжав голову в плечи, замер и, уже не разбирая дороги, падая и поскальзываясь на тонком льду, бросился к притаившимся в кустах товарищам. Он успел лишь заметить, как Гришка Столпов выронил телефон, подскокил и опрометью бросился к нему.

В несколько прыжков добравшись до друзей, Витька выскочил на освещённую фонарями детскую площадку соседнего дома, только в этот момент сообразив, что Столпова рядом с ними нет.

– А где Гришка? – задыхаясь и хватаясь за грудь, прохрипел Стомыч.

– За мной бежал, – прошептал Витька и оглянулся в пустоту: в квадратных глазницах брошенного дома бродили серо-зелёные тени, бледные гнилушечные блики падали на синий снег. Гришки нигде не было видно.

Помешкав, троица вернулась назад, к дому: Гришки там не оказалось.

– Может, домой убежал...

Витька шагнул к притихшим стенам, включил фонарик телефона.

На углу, аккуратно в том месте, с которого несколько минут назад он выглядывал, что-то темнело. Сердце тоскливо сжалось, предчувствуя беду, ноги сами придвинулись ближе: синяя куртка, съехавшая набок вязаная шапка в красно-белую полоску, неловко вывернутые ноги.

– Гриш, – тихо позвал Витька и толкнул друга в плечо.

Тот не пошевелился.

Тогда Витьке пришлось наклониться и перевернуть его на спину.

Яркий свет фонарика выхватил бледное лицо в сетке мелких красно-малиновых царапин и замершие в немом крике неживые Гришкины глаза.

Глава 1 Дар

Спустя восемнадцать дней, 12 января

В целом и в частности день сегодня удался. Лера Ушакова с облегчением стянула резинки для волос, которыми были закреплены косички, не расплетая их, перехватила на затылке в один небрежный пучок. Нацепила шапочку для душа – тонкую оранжевую клеёнку с кислотными бабочками на макушке, – включила воду и с удовольствием нырнула под тёплые струи.

Какое блаженство! Девушка зажмурилась, наслаждаясь моментом и улыбаясь собственным мыслям.

Они с мамой переехали в этот дом несколько дней назад. Суетились, хлопотали, чтобы встретить Новый год в новой квартире, о которой давно мечтали. Сколько Лера себя помнила, мечтали. По прежнему адресу остались подруги, хорошая, если не лучшая в округе, школа. Но всегда чем-то приходится жертвовать. Тем более что с подругами она расставаться не собиралась – проехать несколько автобусных остановок в наше время не проблема.

Новое жильё сразу очаровало головокружительным запахом свежей штукатурки и краски, чистотой и устроенностью. Шикарный жилой комплекс, со своим подземным паркингом, многочисленными магазинами, СПА, тренажёрными залами, химчистками. Оборудование в доме и в квартирах – по последнему слову техники: сплошные датчики и тепловизоры. Иногда казалось, что жилец ещё не успел сформулировать своё желание, лишь почувствовал некую потребность, движение мыслей, а всё уже исполнено.

Прекрасный вид на город из панорамных окон в человеческий рост.

Мечта, воплощённая в реальность.

Лера улыбнулась: вспомнила, как мама, еле дыша, бродила по комнатам, кончиком пальца дотрагиваясь то до лакированного столика, то до зеркальной поверхности кухонного гарнитура.

Это было две недели назад.

Сегодня, в последний день каникул, девушка решила сходить в новую школу.

Центр разгрызания гранита науки, в общем, ей тоже понравился. Конечно, не её бывшая школа, но вполне ничего. Она забрала учебники из библиотеки, заодно зашла к классной, познакомиться, так сказать. А у той весь класс. С тортом и газировкой. Валерию представили одноклассникам, от торта она отказалась, на неё уставились, словно на музейный экспонат, но вроде агрессии никто не проявлял. На том знакомство со школой закончилось.

Лера понимала, что ей будет тяжело: ребята вместе учатся с пятого класса. Все возможные и невозможные комбинации кто-с-кем-против-кого дружит уже использованы, все разбились по группкам, не прорвёшься. Да и середина года уже.

«Хотя, – Лера задумалась, – может, это и к лучшему, меньше цепляться будут. Да и вообще, не маленькая уже, как-никак десятый класс».

Девушка намылила лицо. Мягкая ароматная пена скользила по рукам, плечам, приятно успокаивая.

«Вот сейчас помоюсь, разогрею ужин, включу телик, гирлянду на ёлке... Мама придёт, закатим пирушку».

Вода внезапно стала ледяной.

Лера протянула руку, стараясь на ощупь найти переключатель, но струи снова потеплели.

– А ещё борются за звание дома высокой культуры быта,¹ – вздохнула она фразой из известного кинофильма советских лет, который мама часто пересматривала, и Лера волей-неволей выучила его наизусть.

Яростно смыла с лица остатки мыла, проворчала:

– Жалобу на них надо написать, коллективную.

И открыла наконец глаза.

Рядом с ней, под струями горячей воды, стояла высокая темноволосая женщина с уставшим лицом и испуганно-удивлёнными серыми глазами. Кажется, незнакомка была не готова к тому, что её заметят.

– Вы кто?! – зашипела Лера, хватаясь одновременно за скользкий кафель и полупрозрачную занавеску с наивными дельфинчиками и пытаясь ею прикрыть наготу.

Женщина шумно выдохнула и выпрыгнула из ванной, в одно мгновение оказавшись за дверью.

– Стой! – заорала Валерия. – Я сейчас полицию вызову!

Она в самом деле решила, что нужно звать на помощь: мало ли кто проник в квартиру вместе с этой ненормальной! Ещё и в ванную к ней забралась, это вообще!

Куда охрана только смотрит?!

Лера сиганула к двери, захлопнула её за незнакомкой, дрожащими пальцами передвинув щеколду. И только тут поняла, что оказалась в западне: телефона с собой нет, позвать на помощь не сможет, предупредить маму – тоже, защититься здесь нечем. Разве что пенкой для умывания. Да и щеколда эта – так, мелкое недоразумение для злоумышленников, а не преграда. Дверь можно вынести в два счёта. Лера, быстро натягивая махровый халат, прислушалась.

В квартире стояла мёртвая тишина. Ни шороха. Ни скрипа. Ни шёпота.

Всё внутри похолодело: получается, там, в коридоре, тоже прислушиваются.

Лера отпрянула в глубь ванной, в то же мгновение заметив, что ручка легонько дёрнулась, щеколда соскользнула с петли... и дверь отворилась.

В нос ударил резкий запах гари.

Нет, не такой, когда убегает молоко из кастрюли или подгорает гороховый суп. Это была едкая, привязчивая вонь смеси обугленного дерева и пластика. Это был запах большого горя.

Лера, плотнее кутаясь в халат, осторожно ступила босыми ногами на покрытые рыхлым пеплом головешки. Вокруг всё – стены, потолок, пол – оказалось чёрным от копоти, проёмы прогорели. Повиснув на покосившихся петлях обугленными струпами, скрипели покорёженные картонки дверей.

– Эй! – Жалобный голос девушки пропал в топкой тишине, в которой было слышно, как поднимаются в воздух и снова медленно оседают белёдые хлопья. – Кто здесь?

Лера сделала ещё несколько осторожных шагов.

Это был не её дом. Она ещё ничего не понимала, но могла бы поклясться, что это не её дом, не её квартира.

Девушка стояла посреди жуткого пепелища. Страшным скелетом поверженного великана торчали ещё дымящиеся брёвна, фрагменты перекрытий с выгрызенными огнём кусками. Под ногами хрустели обломки старой черепичной крыши, куски обугленной штукатурки, в углу, на выгоревших дотла досках, лежали почерневшие от сажи кастрюли. Удивительно чистый посреди этого ужаса белый плюшевый медвежонок скорбно смотрел на неё с облупившегося подоконника. Она только сейчас увидела, сколько игрушек вокруг: покоробившиеся от жара пластиковые погремушки, куски яркого тряпья, кукольные глаза-пуговики.

---

¹ Фраза из советской фантастической комедии «Иван Васильевич меняет профессию», реж. Л. Гайдай.

Лера сделала ещё несколько шагов в сторону, чтобы посмотреть, на каком этаже она находится.

Ну, точно, это не её дом: они с мамой купили квартиру на пятом этаже, а это убогое жилище явно находилось на первом. Вон и забор видно покосившийся, и... Лера замерла. Да, их с мамой квартира расположилась на пятом этаже, но вид из их окна до мелочей совпадал с тем, что она видела в эту секунду: серое трёхэтажное здание с малиновой вывеской магазина женской одежды на первом этаже, чуть левее, через перекрёсток, кафе. С той только разницей, что час назад, когда она заходила в подъезд, был январский вечер, а сейчас над знакомыми крышами утопающего в зелени переулка занималась летняя заря.

Девушка почувствовала движение за спиной и резко обернулась: перед ней снова оказалась та самая темноволосая женщина. Только сейчас она была собрана и даже решительна.

– Где я? – прошептала Лера.

– Мой дом, – прошелестело.

Незнакомка находилась рядом, буквально в метре от неё, говорила чётко, но слышно было так, будто звонила она с Северного полюса. Словно догадавшись, что не услышана, та повторила чуть громче:

– Мой дом.

– Не понимаю, – развела руками Лера. – Как «ваш дом»?

Женщина стояла и молча на неё смотрела, ожидая следующего вопроса.

– Как я здесь оказалась? – Темноволосая отрицательно покачала головой и тяжело выдохнула. Только сейчас Лера поняла, что женщина выглядит очень усталой, измождённой. Её светлое платье, больше похожее на ночную сорочку, было испачкано в саже, худые руки подрагивали, будто от усталости или холода.

Лере стало жаль её.

– Я вам могу чем-то помочь?

Женщина медленно кивнула. Её черты обострились, а взгляд внезапно приобрел ясность. Девушка невольно вздрогнула, увидев неистовую ярость, даже ненависть в этом казавшемся таким милым и несчастным лице. Темноволосая протянула вперёд руку, показывая за спину Валерии, и прохрипела:

– Найди его!

Девушка оглянулась. Недалеко от дымящихся развалин припарковались несколько машин. Около одной из них столпились люди, человек пять, что-то живо обсуждая. Иногда их компанию сотрясал истерический хохот. Но незнакомка показывала на одного. Здорового такого мужика. С тяжёлым взглядом и улыбкой бульдога. Это ему заискивающе рассказывали, неистово лебезя и доказывая свою верность. А он усталился на белёсые развалины и брезгливо скалился.

– Найди его... – повторила темноволосая.

Лера перевела взгляд на неё.

– Почему? Я не хочу этого. – Она понимала, что происходит что-то ужасное.

Вернее, нет, «ужасное» произошло, человек с улыбкой бульдога и эта несчастная, дрожащая от ненависти и бессилия женщина к нему причастны. Они оба связаны на века. Но при чём здесь она, Лера Ушакова?

Её уже никто не слышал. И не спрашивал, хочет ли она, сделает ли то, о чём её просили. Просили? Или приказывали?

Белый пепел поплыл перед глазами, унося с собой вопросы, оставшиеся без ответов. Исчезла незнакомая женщина, толстый боров, изувеченный дом, ворох детских игрушек и скорбный белоснежный медвежонок.

Остался лишь нестерпимый запах гари.

Ромка напрягся и застыл.

С соседней парты его сверлил взглядом Горыныч, Санька тыкал кончиком карандаша в спину.

– Романыч, ты скоро?

Ромка молчал. Ему нужно ещё мгновение, чтобы понять, рассмотреть.

Он зажмурился. Перед ним медленно проявилась полупрозрачная плёнка, на которой голубоватыми светящимися чернилами мелким разборчивым почерком было написано с десятков строк.

Мысленно «сфотографировав» их, он схватил листок в клетку и карандаш и размашисто записал решение. Автоматически, не глядя, протянул руку через проход, и листок мгновенно исчез в липкой от нетерпения Санькиной ладони.

Ромка снова пригляделся к видимому ему одному мерцающему синевой экрану. Задание поменялось, цифры, словно кусочки пазла, переместились и снова встали на свои места. Он опять «сфотографировал» увиденное, ещё раз быстро записал решение на тетрадный листок и передал назад.

Всё.

Он выдохнул и взглянул на часы. 12:40. У него есть тридцать шесть минут, чтобы добраться до места, где его никто не увидит, никто не достанет.

Не дожидаясь вопросов и новых просьб, он схватил тощий портфель, одним движением смахнул в него ручку и карандаш. И, захлопнув тоненькую тетрадь, торопливо положил её на учительский стол.

– Чижов, ты всё? – Инесса Викторовна лишь удивлённо вскинула брови. – Это же важный для поступления тест... Неужели не хочешь проверить?

Пацаны что-то шипели ему в спину, девчонки из параллельного математического класса томно вздыхали, кто с завистью, кто с упрёком, но он их уже не слышал – в голове, словно часовой механизм, тикали секунды, уменьшая отведённое ему время.

Небрежно махнув головой, он выскочил за дверь, в прохладу пустынного коридора, и уже никого не стесняясь, со всей скоростью рванул к выходу из школы.

Хорошо, что каникулы ещё, малышня под ногами не носится.

На ходу застёгивая оранжевую куртку, он выбежал из здания школы, ещё раз взглянул на часы: 12:45.

– Романыч! – за спиной послышался топот и гомон голосов. – Ты куда? Погнали тусить к Пашке!

Это Горыныч, Пашка и Санёк, пацаны из его класса, друзья.

«Только вас мне здесь не хватало!» – ругнулся про себя Ромка. Отрицательно качнул головой:

– Парни, не сейчас! Я вас вечером догоню! – махнул рукой и помчался к остановке, на ходу посматривая на стрелки: 12:49. Чёрт! Может не успеть.

– Романыч, мы у Пашки тогда. Подруливай! – орали ему вслед. – Вот чума-пацан. Вечно так с ним...

Но он уже заскочил на подножку уходящего с остановки автобуса. Пластмасса дверей хрустнула, но пустила его внутрь под неодобрительными взглядами пожилого водителя, бабушки и молодой мамочки с ребёнком.

Ромка прижался портфелем к инфракрасному окошку, загорелась зелёная стрелочка, и турникет наконец пропустил его в салон. Он прошёл подальше от любопытных пассажиров и плюхнулся на мягкое сиденье у окна. На мгновение закрыл глаза. Затих, переводя дух.

В лицо ударил яркий, но всё равно холодный луч январского солнца. За окном проплывали грязные бока легковушек, торопливо суетились маршрутные такси, на переходах сновали пешеходы, сумрачно поглядывая друг на друга. Ромка качал головой в такт уходящим секундам, то и дело поглядывая на часы.

12:55. Четырнадцать минут на автобусе. Плюс шесть минут от остановки до дома. Две минуты – пешком на третий этаж. Одна минута – открыть дверь. Итого двадцать три минуты. А у него всего двадцать одна. И то если повезёт.

Какой-то придурок резко затормозил около автобуса и, кажется, задел его.

Бли-и-ин! Только этого не хватало. Сейчас начнутся разборки, гаишники. У него нет времени на всё это. Ни секунды.

Он подскочил, забросил портфель на плечо и с силой ударил по кнопке принудительного открывания дверей. Механизм, хоть и не с первого раза, но подчинился, двери медленно поползли в стороны.

– Ненормальный!

– Псих! – кричали ему вслед, но он, поскользываясь на тонкой ледяной корке, рванул прочь.

Итак, на автобусе надо было проехать четырнадцать минут, он проехал четыре. Сейчас 12:59.

Ещё десять минут ехать. А бежать сколько?

Чёрт! Чёрт!

Если бежать примерно сорок четыре километра в час, то можно сократить недостающую минуту...

Сорок четыре километра в час! Это ж двенадцать с хвостиком метров в секунду!

Это кто ж так бежит?

«Усейн Болт² так бежит. Но на короткой дистанции. А мне семь километров с гаком бежать... Или сдохну, или добежу».

Ромка взглянул на часы. 13:00.

Какие-то там, то ли американские, то ли английские учёные посчитали, что человек может бегать шестьдесят пять километров в час. Может теоретически. Но никто ещё не бегал.

«Может, не надо было, – мелькнуло в Ромкиной голове. – А мне надо».

И он помчался дальше.

Уже забегая во двор своего дома, он ещё раз мельком взглянул на часы. 13:13.

«Ого! Я только что сделал Усейна Болта!» – радостно взвизгнуло в голове, и Ромка взлетел по ступенькам на третий этаж.

Перескакивая пролёты, распахивая на ходу куртку, он притормозил у своей двери, только в эту секунду понимая, что, кажется, забыл ключ...

Он его обычно укладывал во внутренний карман, под «молнию», держал на длинном шнурке, чтобы не потерять вот в таких случаях. А вчера его отнял отчим.

Этот гад потерял свой комплект и отобрал его, Ромкин: «Тебе, сосунок, ещё рано свои ключи иметь».

И сейчас у него осталась одна несчастная минута, он стоит под дверью своей квартиры, почти достигнув безопасного места.

Но почти не считается.

Романа бросило в холодный пот.

Начинается...

Дрожащей рукой он дотронулся до кнопки звонка, сам не зная, на что рассчитывает.

В тишине спасительного коридора раздался переливчатый трезвон, который уже уходил из Ромкиного сознания куда-то в мутную темноту, терялся в надвигающемся ватном полусне.

Краешком уцелевшего сознания он почувствовал, что дверь отворилась. Чьи-то руки поймали его, падающего, и втянули в прохладу квартиры, уложили или посадили куда-то.

---

² Усейн Болт – ямайский легкоатлет, восьмикратный олимпийский чемпион и одиннадцатикратный чемпион мира в беге на короткие дистанции. За время выступлений установил восемь мировых рекордов.

Он уже не понимал.

Голову перехватило тугим ремнём. Ромка читал давно, ещё классе в четвёртом, книжку про индейцев. Там писали, что те казнили злодеев, ну и бледнолицых, конечно, вот таким способом – плотно затягивали на голове размоченный кожаный ремень и оставляли несчастного связанным на солнце. Палящие лучи постепенно подсушивали ремень, тот сжимался, стягивался, медленно сдавливая череп. Пока тот не треснет. Ромке казалось, что он попал в руки воинственных индейцев. Впрочем, как и обычно.

Это его расплата.

Перед глазами проплывали чёрные, зелёные, кобальтово-синие круги, медленно разрастаясь из точки прямо перед Ромкиными глазами и методично сменяя друг друга. В призрачном полумраке он видел свои бледные руки, скрюченные судорогой и хватавшие что-то цветное.

Тело не понимало, где находилось, что делало, дыхание срывалось на сиплый свист. Ромке казалось, что он проваливается в размытый синевой колодец, на блестящих от воды стенках которого, словно приговор, светился текст решённой друзьям задачи.

И пасмурное лицо деда.

А да, цветная тряпка, за которую он судорожно хватался, – это дедова любимая байковая рубашка, в ней его и хоронили.

Кусочком, нанометром сознания он чувствовал, как его мозг теряет контроль над телом: оно сотрясается, извергая из себя всё новые и новые порции утреннего завтрака, остатки самоуважения, превращая его из человека в тупое животное, жалкого червяка, достойного лишь безглагольного отчуждения.

Достигнув своего пика, судороги стали медленно отступать. Чёрно-синие круги перед глазами тускнели, теряя болезненность очертаний и методичность головокружительных вращений.

В этот раз повезло. Кожаный ремень на голове оказался некрепким, лопнул на мгновение раньше его черепа.

Ромка усмехнулся. «Хрен вам с редькой, краснокожие, а не скальп благородного капитана!»

Чернота вокруг рассеивалась.

Глава 2 Хрусталёва, 27

– Лера, Лерочка!!! Густой пар в ванной. Испуганное лицо мамы.

– Лера, что случилось? Тебе плохо? – Мама перевернула её на спину, подложила что-то мягкое под голову, укрыла лоб прохладным, растирая онемевшие руки дочери. – Потерпи, милая, «Скорая» уже едет...

– Мама, зачем «Скорая»? – Лера попробовала сесть, но мама силой уложила её назад.

Девушка оглянулась: она лежала в ванной на полу, прозрачная занавеска с дельфинчиками наполовину оборвана, несколько полок снесено вместе с тем, что на них было, вывалившийся из душевой кабины шланг неистово залил всё кругом, наверно, сейчас соседи прибегут жаловаться.

Но вместо соседей появились врачи в толстых тёмно-синих комбинезонах, с большим оранжевым сундуком в руках. Её переложили на диван в холле, долго мерили давление, слушали сердце, светили в глаза, простукивали, похлопывали. В итоге сделали укол и велели спать.

Сквозь надвигающуюся пелену Лера слышала, как мама звонит на работу и предупреждает, что завтра приедет позже – дочь заболела. А потом в глубине сонного марева осталась только та темноволосая, в длинной ночной сорочке и с печально-требовательным взглядом.

Лера проснулась внезапно, выныривая из тревожного безвременья. Мама дремала рядом, почувствовав движение, тут же подскочила к дочери:

– Ты как?

– Нормально я, мам, правда. – И Лера, повинувшись мягкому, но повелительному жесту, снова опустила голову на подушку. Она осторожно взглянула на часы: половина двенадцатого ночи. Из кухни доносился аромат свежесваренного цейлонского чая и ванили, от которых крепло чувство защищённости.

– Что случилось-то? Ты упала? – Мама придвинулась ближе.

Лера отрицательно покачала головой, мучительно соображая, что сказать матери. И та поняла.

– Что: ОПЯТЬ? – всхлипнула мама, медленно оседая в кресло.

Её и без того озабоченное лицо стало серым, а глаза наполнились слезами. Лера кивнула.

– Не так, как обычно, мам. Вообще всё иначе. Я была в душе, и тут смотрю – рядом со мной женщина незнакомая, темноволосая такая, и глаза у неё то ли печальные, то ли испуганные. Я из ванной выхожу и оказываюсь не в нашей квартире, а где-то в другом месте. И вокруг – пепелище. И эта темноволосая прямо рядом со мной оказалась, говорит мне...

– Говорит? – У мамы округлились глаза.

– Да, только её так плохо слышно было, будто она не рядом со мной стояла, а в сотне метров.

Мама испуганно прошептала:

– И что она тебе сказала?

У Леры холодок пробежал по спине, когда она вспомнила лицо той темноволосой. «Найди его!»

Кто этот дядька, интересно? И вообще, что произошло? Уходя от расспросов, Лера сделала вид, что засыпает.

Мама, подождав несколько минут, вышла из комнаты. Девушка облегчённо вздохнула и села, прогоняя образ странной темноволосой незнакомки прочь. Сунула ноги в дурацкие тапки в виде слоников, резко встала и... оказалась на кладбище...

«Господи! Да как же это!» – Лера огляделась по сторонам: аккуратные ряды крестов, украшенные неестественно яркими цветами тёмные ограды, обелиски, прикрытые от любопытных глаз заиндевевшими берёзами и пушистыми елями. Вид торжественный и печальный.

Рядом с ней, всего в полуметре, тоскливо поскрипывала приоткрытая калитка. Четыре гранитных памятника, потускневшие венки, погасшие лампадки, слегка присыпанные снегом. Лера пригляделась.

С портрета на неё смотрела улыбающаяся молодая женщина: тёмные длинные волосы разметались на ветру, светлые глаза чуть прищурились, мягкая, светлая улыбка озаряла лицо. У Леры всё похолодело внутри: это та самая женщина, что привиделась ей несколько часов назад... Это её могила.

Девушка бросила взгляд на соседние могилы: светловолосая девочка лет семи, пацан с немного угрюмой улыбкой, на вид лет тринадцати-четырнадцати, и малышка совсем, годика полтора, в смешном кружевном чепчике. Лера шагнула ближе, приглядевшись к табличкам: Селивёрстова Татьяна Ивановна. И Селивёрстовы же Артём, Маргарита и Алёна. Они все умерли в один день – 17 мая, чуть более трёх лет назад.

Лера поняла, что не может дышать. Женщина на фотографии будто ожила, чуть повернула к девушке голову, беззвучно прошептала: «Найди его».

– МАМА! – заорала Лера что было сил и поняла, что снова находится в комнате.

Вот мягкий и удобный диван, вот ковёр и наряженная к Новому году ёлка. До неё доносился аромат цейлонского чая и ванили, только больше он не вызывал чувство защищённости.

Впервые нечто непонятное и необъяснимое с ней произошло в пятилетнем возрасте. В тот день она читала книгу и увидела, как мимо прошла девочка. Смешная такая, с тощими косичками и бантами из коричневой капроновой ленты, в цветастом ситцевом халатике. Просто спокойно прошла, не обращая на Леру ни малейшего внимания. Но ощущения страха и холода навсегда запомнились.

Потом, уже десятилетняя, Лера стала слышать странные голоса, шёпот и шумы по ночам, особенно в грозу. Тогда они с мамой не на шутку перепугались. Ходили к врачу – Ивану Саввичу, толстому дядьке в круглых очках и со смешными усами, как у почтальона в мультике. Тот прописал кучу таблеток, сказав, что у неё стресс, переутомление и гормональный сбой, дал направление на физиопроцедуры.

Голоса стали тише, но не исчезли.

Лере жутко не хотелось пугать маму, опять пить эти противные таблетки, от которых мутнело в голове и она чувствовала себя растением. Поэтому она сказала, что ей стало лучше, и больше не заговаривала на тему странных образов, приходивших к ней в полутьме.

Около года назад, ещё на старой квартире, они с мамой смотрели какой-то непонятный фильм: тягучая музыка, запутанный сюжет, невесть откуда взявшаяся героиня, которая оказалась не героиней, а её двойником-клоном, – Лера откровенно скучала.

Вдруг девушка заметила, как около неё возникла небольшая воронка, словно крохотный смерч. Оттуда вышла освещённая лунным сиянием женщина в длинном кружевном платье и медленно направилась к стене. Лера провожала её взглядом и, видимо, так вылупилась, что это не осталось незамеченным.

– Лер, ты чего там увидела? – прошептала мама рядом, вглядываясь в пустоту тёмного угла.

Лера от неожиданности подпрыгнула и вскрикнула:

– Я? Нет! Ничего!

И в этот момент полупрозрачная фигура, почти скрывшаяся в стене, резко остановилась и обернулась. Удивлённо, словно сама только заметила сидящих людей, она внимательно разглядывала Леру. Та шарахнулась к окну, по пути перевернув журнальный столик.

– Лера! Что случилось?! – закричала мама. А незнакомка, не отрываясь, следила за девушкой, потом в её полупрозрачных глазах мелькнула то ли радость, то ли какая-то идея, она качнулась и растаяла в дымке.

С тех пор Лера старалась не оставаться одна, спала со включённым светом, до бесчувствия смотрела фильмы и сидела в соцсетях, лишь бы отключиться и не слышать ничего: с того вечера её не покидало ощущение, что до неё кто-то пытается достучаться, дотронуться холодными влажными руками.

Бывает, твой телефон «вне зоны доступа», но ты всё равно знаешь, что тебе звонят, и ты беспокоишься.

И вот сейчас, видимо, «дозвонились»...

По спине сползал змеем холодок. Только сейчас, увидев фотографию темноволосой женщины, Татьяны Селивёрстовой, Лера отчётливо поняла, КТО она, и та женщина в кружевах, и девочка в ситцевом халатике. Все они ДУХИ, призраки... Она, Лера, видела и слышала давно умерших людей.

И вот теперь одна из них хочет её руками что-то сделать. Кого-то найти.

И видимо, не отпустит, пока Лера этого не сделает.

– Татьяна, ты здесь? – прошептала Лера в темноту, изнемогая от любопытства и страха.

Под рёбрами что-то томительно ухало, обрываясь. Что, интересно? Сердце? Действительно, похоже, что падает в пятки.

Затылком девочка почувствовала знакомый уже холодок. Она оглянулась: рядом с ней стояла Татьяна, всё такая же сосредоточенная, напряжённая и испуганная.

– Это была твоя могила?

Медленный кивок.

– Кто эти дети? Артём, Маргарита и Алёна?

Стон, похожий на крик. Лицо Татьяны подёрнулось плёнкой, мерцание поблёкло.

– Это твои дети? – продолжала допрос Лера.

Она сама не знала, откуда у неё взялась сила. Сердце бешено колотилось, руки похолодели и покрылись испариной, колени дрожали. Но она понимала, что должна знать больше. И ещё, что у неё есть право спрашивать, а эта несчастная женщина обязана отвечать. И Татьяна едва заметно кивнула.

– Ты хочешь, чтобы я нашла того толстого дядьку?

Женщина с силой стиснула зубы, подняла на Леру глаза, полные слёз и ненависти, и снова кивнула.

– Где я его могу найти? – Лера спросила и поняла сама, что ответа на этот вопрос не получит – если бы Татьяна знала, она бы и сама его нашла. Поэтому задала другой вопрос, который её беспокоил даже больше. – Что будет со мной потом? Я не хочу попасть в психушку, выполняя ваши поручения. Ты же не одна там такая, которой кто-то зачем-то нужен здесь?

Темноволосая женщина покачала головой и задумалась.

– Я не пушу, – прошептала она наконец.

– То есть я помогаю тебе, а ты меня охраняешь от других просьб?

Татьяна кивнула. Это Леру вполне устраивало. Она кивнула в ответ и улыбнулась:

– Я тебе помогу. Найду этого борова.

Татьяна прищурилась. Она подняла руки и протянула Лере белого плюшевого медвежонка, того самого, с пожара, девушка его хорошо запомнила.

– Это ему. Когда найдёшь.

И растаяла.

Лера устало опустилась на диван. Её било мелкой дрожью, подташнивало, суставы нещадно ломило, холодный пот струился по побледневшему лицу. В этот момент в комнату заглянула мама.

– Лерочка! Да ты вся горишь! – запричитала она, укладывая дочь в постель, теплее укутывая пушистым пледом ноги. – Вот и сразу стало ясно, откуда этот бред про призраков... Ты просто больна, моя милая! У тебя жар. Вот и всё...

Лера не стала спорить. Сил не было. В конце концов, если это всё сейчас закончится, то пусть мать так и думает, её это успокоит. Меньше всего Лере хотелось причинять боль родному человеку.

И она позволила себя уложить, напоить тёплым чаем с мёдом и лимоном, послушно выпила микстуру. Мама, увлечённая заботой о ребёнке, даже не заметила белого пушистого медвежонка, жалобно притулившегося в углу дивана.

Возвращающееся сознание подсказало, что сидит он на полу, в луже чего-то очень зловонного. Он вздохнул в надежде, что это не то, о чём он подумал.

Напрасно.

То.

Оно самое.

Дерьмовое дерьмо.

Ромка открыл глаза, чертыхаясь и автоматически глядя на циферблат. 13:20.

Это длилось четыре минуты.

А кажется, что целую вечность.

– Ромочка, ты жив! – рядом с ним возникло какое-то движение: это из дальнего конца коридора с тазиком и мокрым полотенцем бежала тётя Даша, соседка. – Слава богу! Ты меня так напугал!

Ромка хотел подскочить, но поскользнулся в луже и с грохотом растянулся.

– Тётъ Даш, я сам, я всё уберу! – заорал он так, что бедная женщина присела. – Я всё уберу! Сам! Только матери ничего не говорите.

– Вот те раз, – всплеснула руками соседка.

– Не трогайте ничего, я всё сам, пожалуйста. – Он жалобно посмотрел на пожилую женщину. – Тётъ Даш, пожалуйста.

Она лишь развела руками, с сомнением поглядывая на его бледное лицо.

– Ну, ладно, ванная в конце, по коридору. А я пока чай поставлю. – И суетливо побежала в сторону кухни, что-то бормоча и приговаривая: – Совсем замордовали детей своей учёбой!..

Она ушла хлопотать, специально не закрыв за собой дверь и то и дело тревожно выглядывая в коридор.

Но Ромка не рассиживался. Он неловко сбросил с себя испачканную рубашку, скрутил её в комок. Быстро вытер линолеум приготовленной тряпкой. Дошлёпал, покачиваясь, до ванны, сменил воду и вытер всё начисто.

– Тётъ Даш, ванну можно приму? – проорал он и, услышав что-то одобрительное, закрыл дверь на щеколду, разделся и сунул в раковину грязную одежду, бельё.

Всё тщательно выстирав, он долго отжимал одежду, резко стряхивал с неё облака мелких капель.

Потом аккуратно расправил рубашку, брюки, повесил на батарею, а сам полез в душ.

«Блин. Четыре минуты. С каждым разом всё дольше и дольше», – сокрушённо покачал головой Ромка. От мысли, что когда-нибудь это может дойти до получаса, его передёрнуло.

В дверь тихонько постучали.

– Да, тёть Даш, я нормально! – крикнул он. – Я уже выхожу.

И резко выключил кран.

– Ромочка, – из-за двери голос соседки совсем походил на старушечий, – я тут одежду тебе сухую приготовила, на ручку двери снаружи приладила, ты её надень.

– Да я всё выстирал, тёть Даш!

– Вот и хорошо, пусть просохнет. Глажанём и наденешь, как новенькое! Иди чаёвничать!

«Классная всё-таки старушка!»

На кухне парня ждали белоснежные кубики в хрустальной сахарнице, старомодные кружки с позолоченными краями, блюдца, большой пирог с ягодами, варенье в маленькой пузатой пиалке. Тётя Даша, видно, внучку в гости ждала, вот и наготовила.

– Тётъ Даш, ну зачем вы! – Язык сокрушённо причитал от избытка внимания, а желудок подгонял ближе к столу. После приступа он, как обычно, был жутко голоден.

Пока Ромка уплетал пирог и варенье, тётя Даша налила ему крепкого чая и положила в него несколько ложек сахара.

– Не надо! – запротестовал было парень, но соседка со знанием дела подняла бровь и поставила перед ним кружку.

– Рассказывай, – велела она.

Ромка застыл.

– Чего? Чего рассказывать?

– Давно это у тебя? – Она кивнула в сторону коридора, хотя и так было ясно, о чём речь.

Ромка положил кусок пирога на место. Вытер руки о полотенце.

– Да ерунда это, тётя Даша. Даже говорить не о чем! Первый раз такое... Траванулся небось шаурмой...

– Не ври! – шёпотом сказала соседка, да так, что он шею втянул. – Рассказывай как есть.

«А что ей говорить? Про кожаный индейский ремень или про круги?»

– Ты что-то употребляешь? – вместо него начала «угадайку» тётя Даша.

– Нет, вы что!

– Куришь?

– Нет, не понравилось... Да и не то всё это, тётя Даша.

Она смотрела с таким внимательным участием. Или пироги эти на него так подействовали. Захотелось рассказать как есть.

– Ничего такого.

– Вот верю я тебе, Роман, – вдруг кивнула соседка, – верю. Знаю, отличник. Мать на тебя не нарадуется.

«Ну, насчёт матери – не знаю, радости не замечал».

– Не то это всё, – проговорил он вслух и посмотрел в окно. Мелкий снежок крутился по ту сторону стекла. – Понимаете, это расплата.

– Расплата?

– Да, именно. Я с четырёх лет вижу какие-то цифры, знаки, формулы, могу решить любую задачу, разобрать по полочкам любой чертёж. Даже когда ещё не понимал ни слова, ни сути задания, безошибочно выдавал ответ. Вот просто знал – и всё. Ни способов решения, ни механизмов не знал. Даже названия формул не знал. А ответ – пожалуйста, выдавал. Отец, когда ещё жив был, проверял.

– Вундеркинд, что ли? – с сомнением уточнила тётя Даша.

– Нет. Вундеркинды знают ответ, потому что много учатся, запоминают и умеют решать быстрее других. Они понимают, что делают. У них способности, помноженные на тренировку. А мне просто приходит ответ.

– На блюдечке с голубой каёмочкой? – усмехнулась соседка. Ромка усмехнулся следом.

– Почти угадали. – Он постучал по лбу указательным пальцем. – Вот здесь всплывает прозрачная доска, а на ней синим светящимся мелом написано. Только ровно через тридцать шесть минут после сеанса начинается вот такая свистопляска.

Тётя Даша вздохнула и отошла к окну, тоже разглядывая резвящиеся снежинки.

– Прости, Роман, не верю. Такого не может быть...

– Почему?

– Не может – и всё! – отрезала сердобольная соседка и сердито отхлебнула чай.

– Хорошо, давайте докажу!

– И снова начнёшь кататься тут у меня по полу?! Нет уж, уволь!

– То есть вы всё-таки верите?

Тётя Даша шумно вздохнула:

– Ой, не знаю я, Рома! Я ведь тебя помню вот с такого возраста, – она развела ладони сантиметров на пятьдесят, – с рождения тебя помню. И никогда ничего такого не замечала – хороший, вежливый мальчик, иногда чуточку болезненный. А тут ты мне про видения какие-то толкуешь...

– Сколько денег у вас в кошельке, знаете? – неожиданно спросил Ромка.

Соседка опешила и смутилась:

– Не знаю... Есть немного. Тебе сколько надо?

– У вас в кошельке семьсот тридцать два рубля. Проверяйте!

Тётя Даша, поджав губы, достала сумку, вытащила из неё кошелек и села перед Ромкой за стол – считать.

Она долго переключала монеты, несколько раз сбивалась и начинала заново.

– Сколько у вас получилось?

– Семьсот тридцать один рубль...

– Должен быть ещё один рубль.

– Ну, значит, ты ошибся. – Соседка удивлённо пожала плечами.

Ромка протянул руку к пустому кошельку:

– Разрешите?

– Да, конечно...

Он перевернул кошелек, слегка встряхнул его. На стол, вопреки его ожиданиям, ничего не выпало. Тогда он заглянул в отделение, в котором обычно хранится мелочь, и аккуратно провёл пальцем по шелковистой подкладке.

В его руках блеснул серебром рубль.

– Феноменально, – всплеснула руками соседка. – Как ты угадал? Это фокус какой-то, да?

– Нет, я просто знаю, тётя Даша. Это просто. Вот смотрите ещё, – он протянул пожилой женщине телефон, – позвоните своей внучке, Каринке. Она сейчас делает математику и не может решить задачу, поэтому и не едет к вам. Задача звучит так: «В зоопарке есть голуби, воробьи, вороны и синицы – всего двадцать тысяч птиц. Синиц на две тысячи четыреста меньше, чем воробьёв, ворон в десять раз меньше, чем воробьёв, и на четыреста меньше, чем голубей. Сколько голубей, воробьёв, ворон и синиц живёт в зоопарке?»

Тётя Даша набрала номер внучки.

– Здравствуй, Кариночка!.. Уроки делаешь?.. Математику задали? – протянула она и бросила короткий взгляд на Ромку. – И что, сложная задача? Так-так...

По тому, как округлялись её глаза, Ромка понял: она верит.

– Скажите Карине, что надо решать через уравнение. Ворон x , воробьёв десять x , голубей x плюс четыреста, а синиц десять x минус две тысячи четыреста. Всего двадцать тысяч птиц. Если всё правильно посчитает, то ворон у неё окажется тысяча.

Через минуту тётя Даша положила трубку.

– И что, никогда не было сбоев и ошибок?

Ромка отрицательно покачал головой.

– Я всё проверяю. Математику и физику я люблю и понимаю, вы же знаете.

– Учиться тебе надо, Рома. Учиться. Ты сейчас в десятом?

Ромка кивнул.

– Я в техникум хочу. При МГУ. Но мать против...

Тётя Даша похлопала его по руке.

– Я с ней поговорю. Что-нибудь да придумаем.

Ромка нахмурился:

– Не надо ничего придумывать, тётъ Даш. Я сам как-нибудь. – От одной мысли, что скажет мать, узнав, как он разоткровенничался с посторонним человеком, всё внутри ссохлось. – Не надо ни с кем говорить, ладно?

– Может, я всё-таки чем-то смогу помочь?

– Нет, я сам. – Он неловко помолчал. – Пойду я, тётъ Даш. К матери на работу надо ехать, за ключами.

Он тихо встал и направился к выходу.

Чуткая соседка только печально качала головой, глядя в сутулую спину подростка.

Глава 3

Дар / проклятие (нужное подчеркнуть)

13 января

Утром Лера чувствовала себя гораздо лучше. Всё-таки мысль, что не будет больше этого противного холодка по спине, этих шёпотов и стонов, придавала ей сил и уверенности.

Пока мама, думая, что дочь крепко спит, убежала в аптеку, девушка включила ноутбук и забила поисковый запрос: «Татьяна Селивёрстова». Поисковик выдал кучу ненужных страничек из соцсетей.

Тогда Лера уточнила, забив свой нынешний адрес с пометкой «происшествия».

Оказывается, домик-то у них беспокойный. За последний год он упоминался в СМИ с таким тегом трижды: драка с поножовщиной, ограбление и, батюшки мои, убийство на бытовой почве в соседнем подъезде! Прямо «нехороший» дом у них. И это всё при наличии круглосуточной охраны, датчиков и тепловизоров! Да и жильцы в доме относятся к разряду «благополучных».

Но информации о Татьяне Селивёрстовой не было.

В памяти всплыла, словно подсказка, золотая табличка с чёрного обелиска. Лера забила в поисковик дату. И почти сразу наткнулась на страшное сообщение.

«Жуткая трагедия произошла прошедшей ночью по адресу... – Тут Лера поняла, что адрес её нынешнего дома отличается буквой «а» от адреса Татьяны. – В пожаре, возникшем в частном доме, погибла молодая женщина с тремя несовершеннолетними детьми. По предварительным данным, произошёл взрыв бытового газа. Отец семейства в настоящее время находится в больнице, его увезли накануне с приступом острого аппендицита, и по счастливой случайности его не оказалось дома в момент трагедии. – Леру передёрнуло на словах «счастливая случайность», странные представления о счастье у автора заметки. – Журналистов к нему не пускают.

Как сообщили нам в следственных органах, семья не состояла на учёте в качестве неблагополучной, погибшая Татьяна С. работала в аптеке, её супруг и отец троих погибших детей работает водителем автоколонны 2278 нашего города.

По факту гибели четырёх человек возбуждено уголовное дело».

И фотографии того самого дома, в котором девушка оказалась вчера: обугленные, выжженные дотла стены, изуродованные огнём игрушки. Лера помнила эти кастрюли, эти куски чудом уцелевших обоев.

Ошибки быть не может. Это тот самый дом.

Лера до тошноты ощутила удушье, запах гари и жуткого, ничем не поправимого горя. Перед глазами вновь поплыли покореженные карнизы и фрагменты черепицы.

Она взглянула на белого медвежонка.

Там, на пожарище, он был совсем чистый. Может, его принесли позже? Она взяла его в руки.

Пальцы утонули в мягком мехе, а по рукам потянулся холодок. Лера прикрыла глаза.

Тёплый вечер окутал её. Она оказалась в комнате с низким потолком, старенькими, местами отошедшими от стены, изрисованными детскими наивными каракулями обоями. Запах кипячёного молока с мёдом и гречневой каши. Детская кроватка, переброшенное через спинку одеяльце с розовыми слониками. Продавленный диван в углу. На нём сидит, насупив-

пись и уставившись в учебник, мальчик лет четырнадцати. У Леры часто забилось сердце. Артём Селивёрстов.

Рядом с ним, на связанном из лоскутков круглом аляпистом ковре устроилась с куклой его сестра Маргарита. Она сосредоточенно застёгивала на платье любимицы пуговку, сопя и простуженно шмыгая носом. Артём на неё не обращал внимания, иногда тревожно прислушиваясь к происходящему в коридоре. Лера подошла к двери и тоже прислушалась.

Женский голос, испуганный и сдавленный. И ещё мужской, угрожающий.

– Я вас предупредил, Татьяна. Вы испытываете терпение и моё, и моего шефа.

– Я ничего не хочу знать ни о вас, ни о вашем шефе! Мы вам сказали уже раз сто, наверное, дом не продаётся. Оставьте уже нас в покое, в самом деле!

– Я оставлю... оставлю. Только зря вы так, Танюша!

– Да какая я вам «Танюша»! Я вас чуть ли не вдвое старше! – вспылила женщина.

Лера услышала шум, возню там, за дверью. Артём тоже напрягся и привстал.

– Слушай, ты, старая карга, – Лера едва различала слова в этом зловещем шёпоте, больше похожем на шипение, – мне по барабану, что ты там о себе думаешь. Я тебе сказал – срок вышел! С вами хотели как с нормальными людьми договориться, деньги предлагали, а вы... Короче, лахудра, я тебе так скажу: и для тебя, и для твоих выродков лучше будет, если уже сегодня ночью вас здесь не окажется, поняла?

Какой-то стук, что-то с грохотом разбилось в коридоре, Артём бросился к двери. Но выйти не успел, в комнату проскользнула испуганная Татьяна с заплаканным лицом, по которому чёрными ручейками растеклась дешёвая косметика. Она сжала сына в объятиях так, что у того, наверное, половина костей сломалась.

– Мам, ты чего? – бормотал парень. – Чего он хотел, этот дядька...

– Ничего, ничего, – в иступлении шептала женщина, отстраняясь от сына и невидящим взглядом осматривая комнату. Её обезумевший взгляд остановился на игравшей на полу дочери. – Маргоша, ты почему не спишь?

И снова начала отрывисто бормотать, перехватывая тонкими руками горло:

– Ничего, ничего... Ничего они не сделают, это наш дом... Паша договорился...

Они не посмеют.

– Мам, это кто был? – Артём насутился и уставился на мать.

Та под его взглядом вроде немного пришла в себя, перестала лихорадочно суетиться и заставила себя улыбнуться:

– Да никто, Тёмушка, так, человек один. Ты его не знаешь.

– А чего ты тогда так всполошилась? – Он пригляделся к матери и дотронулся до её скулы. – Он что, ударил тебя?!

Татьяна дотронулась до щеки, словно стирая неприятные воспоминания, и снова заметалась по комнате, бросаясь то к одному ребёнку, то к другому, словно прячась за заботой о них от страшного.

Лера посмотрела на белоснежного медвежонка, повисшего в её похолодевших руках.

Татьяне угрожали. Кто-то, кого она сильно боится, кто оказался способен ударить женщину, приходил накануне пожара. Он, и это Лера слышала собственными ушами, сказал, что Татьяне и её семье уже этой ночью не надо находиться в этом доме, их доме. Дальше уже можно было догадаться: семья улеглась спать, а ночью дом подожгли. Не оставив шанса спастись. Этот дом стал могилой для них: для матери и троих её детей, и для «по счастливой случайности» выжившего отца.

Девушка посмотрела на печального плюшевого мишку и заплакала от бессилия.

Глядя на встревоженную Татьяну, укладывавшую Маргариту спать, она поняла, что и сама теперь не сможет спокойно дышать, пока не найдёт того борова из чёрной машины, отдавшего жуткий приказ.

Теперь это и её дело.

Она перечитала сообщение о пожаре в доме Селивёрстовых ещё раз. Забывала в поисковик запросы о результатах расследования. Ведь уголовное дело-то возбудили! Но нет, никаких следов, единственная коротенькая заметка в день трагедии – и тишина.

Лера подумала о Павле, муже Татьяны. Во всяком случае, девушка помнила, что Татьяна упоминала какого-то Пашу, вероятно, это и есть муж. В заметке сказано, что он работал водителем в автоколонне. Может, спустя три года он всё ещё там работает. Может, ей удастся с ним переговорить... Хотя Лера не понимала, как можно объяснить ему свой интерес. Как вызвать на разговор?

На всякий случай она решила поехать и узнать, там ли он.

В отделе кадров девушка представилась племянницей Селивёрстова из соседнего городка, сказала, что он давно не отвечает на звонки и письма и что семья волнуется. Женщина на неё странно посмотрела и покачала головой:

– Родственники... А где вы, родственники, были всё это время, пока мужик погибал? А? Чего глаза вылупила? Помер твой дядька, уже год скоро будет, как помер... Вот оттого и не пишет, и не звонит. А вы, родственники, только спохватились...

Женщина ещё долго бормотала, но Лера уже не слушала. Пунцовая, она выскочила из кабинета и стремглав бросилась к проходной.

«Идиотка! – пульсировало в висках. – Как я сразу об этом не подумала! Чего сюда сунулась?! А?»

Словно спасаясь от погони, девушка пробежала мимо автобусной остановки в сторону центра, не разбирая дороги, сталкиваясь с пешеходами, поскользываясь на тонком льду мостовой.

«Идиотка!»

Уже около парка она остановилась и перевела дух. Итак, выяснить подробности не у кого. Надо искать самой. Интернет в помощь... И журналист, который писал заметку!

Сейчас у всех порядочных СМИ несколько ресурсов: и газета, и веб-сайт, и странички в соцсетях. Она нашла статью на их сайте. Автор, кажется, Василий Строев. Ну, что ж... Найдём тебя, Василий!

Лера потопала в редакцию.

Девушка вошла в полумрак трёхэтажного здания редакции районной газеты, опубликовавшей заметку. Её оглушил запах сырости, смешанный с запахами свежей типографской краски и борща из столовой.

В узкий обшарпанный коридор выходило штук десять дверей с потёртыми и выцветшими табличками без имён и фамилий. Только: «Редакторы», «Рекламный отдел», «Технический отдел», «Бухгалтерия», «Заместитель главного редактора», «Главный редактор». Лера толкнула дверь редакторского отдела.

В глаза бросился организованный и даже какой-то уютный хаос, поверх которого старательно были разбросаны куски разноцветной, весьма потрёпанной мишуры, мятые ленты «дождика», за ниточки приклеенные скотчем к обоям разноцветные ёлочные игрушки. Из-за высокой стопки распечаток выглянуло скуластое лицо и басовито поинтересовалось:

– Девушка, вам кого? Обед же...

Лера взглянула на темноволосого парня, разглядывавшего её с нескрываемым любопытством, потом на часы. Действительно, час двадцать.

– Ой, извините, – смутилась она и, кажется, покраснела под внимательным и чуть удивлённым взглядом. – Я просто хотела одного человека найти, Василия Строева... Но я, наверно, зайду после двух.

Стопка распечаток качнулась, едва не разлетевшись по кабинету. Темноволосый прихлопнул её сверху.

– А зачем вам Василий?

Лера остановилась.

– Хотела кое-что узнать у него об одном старом материале... Так, ничего особенного. Вы не знаете, он после обеда будет?

Парень ещё раз придавил стопку распечаток, на этот раз здоровенным степлером, и криво улыбнулся:

– Да он, собственно, и не уходил ещё.

– Так это вы – Василий Строев? – обрадовалась Лера.

Она надеялась увидеть серьёзного журналиста, представительного, в очках с тонкой золотистой оправой, или ещё лучше – в толстой роговой, и в толстом свитере с вытянутыми рукавами и заплатками на локтях. А перед ней возвышался неуклюжий парень лет двадцати пяти, растрёпанный, в заляпанной клеем футболке, в выдавших лучшие времена джинсах.

– Ну, был когда-то. – Он неопределённо махнул рукой.

– То есть?

– Знаете ли, мы часто используем псевдонимы. И газете хорошо – типа она серьёзная и большая, со здоровенным штатом спецкоров, и тебе тоже неплохо – всегда можно сказать, что это не ты писал всякую муть... Клиент побегает-побегает, а доказать ничего не сможет... Но именем Василий Строев я и воспользовался-то всего пару раз, и с тех пор уже года три как про него забыл. Так что даже странно, что им интересуется такая юная леди...

Парень улыбнулся.

– Да, тот старый материал, о котором я хотела вас спросить, примерно тогда и был опубликован. – Девушка замолчала.

«Василий» тем временем продолжал её изучать, ухмыляясь и даже не собираясь поддерживать тему разговора. Лера окончательно растерялась. Парень ей явно не внушал доверия: он небось и не вспомнит, что это была за статья. И не отслеживал результат расследования, потому что разгильдяй.

– Ну, и? – не выдержал он наконец.

«А, к чёрту, всё равно больше никаких ниточек!»

– Около трёх лет назад, в мае, на улице Хрусталёва сгорел частный дом. В пожаре погибли женщина и трое её детей. Вы писали заметку.

Парень перестал улыбаться. Лицо сразу стало яснее, умнее, глаза заискрились настороженным интересом. По тому, как изменилось выражение его лица, Лера поняла – он помнит.

– Знаете, я же ещё не обедал, есть очень хочется, и от этого не думается вовсе. Пойдёмте! – неожиданно предложил он.

«Василий» порывисто сорвал с вешалки куртку и, не спрашивая, согласна ли Лера обежать с ним, подхватил её под локоть и буквально выволок из кабинета. Протащив по коридору к выходу и не дойдя до него буквально метра, он затолкал девушку в узкую дверь, которую она, входя, даже не заметила. За дверью оказалось махонькое пыльное, давно не обитаемое помещение, со столом и вытертым стулом 80-х годов прошлого века.

– Вы что?! – Только теперь Лера струхнула не на шутку.

– Чё те надо? – «Василий» припёр её к стене, больно надавив локтем на горло. – Ты чё вынюхиваешь, а? Тебя Камрад подослал?

– Что? К-какой Камрад?! – Лера вообще потерялась. Этот парень, «Василий», вроде только что был нормальным, интеллигентным даже, а сейчас буквально позеленел весь, и глаза чёрные такие стали, мутные. Словно и не человеческие. – Стойте, отпустите меня, – хрипела она, – никто меня не подсылал!

– Значит, так, – зашипел «Василий» более спокойно, но от этого ещё более страшно, – скажешь Камраду, чтобы больше ко мне не совались. Я всё ему отдал, поняла, ВСЁ! Никаких материалов, фотографий, копий у меня больше нет... НЕ-ЕГ!

Он схватил Леру за шиворот и так потрянул, что у неё едва позвоночник не рассыпался. А затем распахнул дверь коморки и с силой вышвырнул девушку в коридор.

Лера пролетела тот несчастный метр до выхода, но не стала дожидаться, что будет дальше – с визгом рванула с лестницы мимо ошалевших блондинок на высоченных каблуках.

Лишь добежав до автобусной остановки и не чувствуя погони, она оглянулась. Полоумный «Василий» за ней не бежал.

– Ну что за день-то сегодня такой. – Шмыгая носом, Лера торопливо шла по пустынной улице вдоль бесконечного сине-зелёного забора.

Садиться в автобус под любопытные взгляды пассажиров ей не хотелось, да и стоять в ожидании своего рейса тоже, ещё этот ненормальный передумает и решит переломать ей парочку костей.

Дойдя до перекрёстка и свернув на более людную улицу, Лера успокоилась. Купила ароматную булочку в пекарне и села на скамейку: ей не давало покоя слово «Камрад». Где-то она его уже слышала. Причём совсем недавно. На днях буквально.

Девушка набрала в телефоне: «камрад»... Всезнающий поисковик сообщил, что это «товарищ, друг», от испанского «camarade». Но «Василий» явно не это имел в виду. Более того, Лера готова была поклясться, что парень этого «товарища» жутко боялся...

Глава 4

Свобода выбора зависимости

Подошёл Лерин автобус, она забралась в жарко натопленное нутро, устроилась на свободное сиденье, а из головы всё не выходил этот «товариш». Что-то не отпускало её. Какая-то догадка. Слово действительно было ей знакомо.

Она добралась до дома, сбросила куртку...

Вот! Она не слышала это слово! Она его ВИДЕЛА!

Лера бросилась к серванту с документами. Три дня назад она распаковывала коробку с бумагами: мамины папки, счета за старую квартиру, альбомы с фотографиями... И тонкая красная папка. Мама много раз говорила, что в ней очень важные документы, и Лера, конечно, засунула любопытный нос внутрь. Вот где она видела этого «товарища»!

Она перелистывала уложенные в тонкие хрустящие файлы документы. Свидетельство о праве собственности на квартиру. «Нет, не то». – Лера лихорадочно просматривала одинаковые страницы.

Кредитный договор... Банк такой-то, это ясно... Ушакова Светлана Павловна. Это мама...

Вот он! «Договор купли-продажи № 1634. Общество с ограниченной ответственностью «КАМРАД», в лице генерального директора Молина Хорхе Эдуардовича, и Ушакова Светлана Павловна»...

Руки Леры похолодели. Она теперь поняла всё.

«Камрад» – это фирма-застройщик. Они с мамой купили у них квартиру в доме, построенном на месте сгоревшего жилища Татьяны Селивёрстовой. Камрад – это прозвище человека, которого так боится «Василий», которому он «отдал всё, все материалы и фотографии».

Девушка включила ноутбук. Голубой экран быстро откликнулся, выйдя из режима сна.

Она набрала фразу, которая должна была ответить на последний оставшийся вопрос: «ООО «Камрад», генеральный директор».

Мгновенно загрузился официальный сайт фирмы. Текущие стройки, завершённые объекты, фотографии, награды и сертификаты.

Лера выбрала вкладку «О компании».

С большой фотографии на неё уставилось лицо довольно полного человека, почти лысого, с тяжёлым взглядом и улыбкой бульдога.

Подпись гласила, что это Молина Хорхе Эдуардович, генеральный директор ООО «Камрад», тот человек, что криво ухмылялся, глядя на дымящиеся руины дома Татьяны Селивёрстовой. Тот, кого ей нужно найти.

Лера взглянула на адрес фирмы... Хрусталёва, 27, 1-й подъезд.

Это их дом. Они держат офис в этом же доме.

Лера выдохнула.

Она взяла белого медвежонка и вышла из квартиры.

Ещё через пятнадцать минут девушка уже стояла в офисе ООО «Камрад» перед шикарной секретаршей. Там отмечали старый Новый год. Через огромные матово-чёрные двери конференц-зала прорывались ароматы застолья: гремучая смесь салатов, майонеза, копчёного мяса, рыбы и шампанского.

– Шефа нет, – ухмыльнулась секретарша, глядя на Лериного белоснежного медвежонка, – но я всё передам, не волнуйтесь, девушка.

А Лера больше и не волновалась.

Она шла через пустынный двор дома с панорамными окнами, шикарного, в котором многие лишь мечтают иметь крохотный кусочек комфорта, а Эмми Ли шептала в наушниках:

*If I smile and don't believe
Soon I know I'll wake from this dream
Don't try to fix me,
I'm not broken
Hello, I'm the lie living for you so you can hide
Don't cry³.*

*Если улыбнусь – пойму:
Скоро очнусь ото сна,
Не утешай меня – не сломлена.
Привет, я – та ложь, за которой можно скряться,
Не плачь.⁴*

Говорят, никакие деньги не стоят жизни.

Врут.

Говорят, деньги не пахнут.

Врут.

Деньги пахнут. Ещё как. Воняют кровью и потом. Лёгкие деньги – кровью, трудовые – потом.

За каждой бумажкой – чья-то судьба. За каждой монетой – свобода. И никто по-настоящему не свободен.

Мы свободны только в выборе своей зависимости, так, кажется?

В этом плане Лера теперь совершенно сво^{бодна}.

– Лер, ты чего? Ты куда ходила, больная же. – Мама вернулась с работы раньше, в недоумении складывая в папку разбросанные по столу файлы с документами. Нарядная ёлка разноцветно подмигивала в углу.

– Мам, мы можем вернуться в нашу старую квартиру? Прямо сейчас? А?

14 января

Уже подходя к кладбищу, Лера заглянула в павильон, где торговали цветами. Она хотела купить живые цветы. И маленькую игрушку.

На входе стоял стеллаж со свежей прессой.

В глаза сразу бросилась огромная, на всю первую страницу, фотография крупного мужчины, лысоватого, с тяжёлым самоуверенным взглядом. Сердце оборвалось: на неё смотрел Молина Хорхе Эдуардович.

Лера схватила газету, с первых слов заголовка поняв, о чём статья.

«Трагическая смерть руководителя крупной строительной компании».

Девушка оплатила покупку и медленно пошла в сторону калитки, на ходу просматривая статью.

«...По информации следственных органов, причина пожара пока не установлена. Известно, что дом, в котором расположился офис ООО «Камрад», сдан застройщиком в начале прошлого года. Претензий и замечаний в процессе госприёмки не выявлено.

---

³ Песня Hello группы Evanescence.

⁴ Перевод Кретовой Е.

Пожар разгорелся между двумя и тремя часами ночи в кабинете генерального директора. Возможно, причиной возгорания стала непотушенная сигарета».

Лера точно знала, куда идти, словно бывала здесь много раз. Аккуратные ряды крестов. Украшенные неестественно яркими цветами тёмные оградки, обелиски, прикрытые от любопытных глаз заиндевевшими берёзками или пушистыми елями. Вид торжественный и печальный.

Вот она, тёмная оградка. Только за ней пять каменных плит: молодая улыбающаяся женщина, мальчик-подросток, смешливая девочка, крошка в кружевном чепчике, погибшие одной смертью в одну ночь, и рядом с ними худощавый мужчина, не выживший без них.

Татьяна, Артём, Маргарита, Алёна и Павел Селивёрстовы.

Порванная в клочья судьба.

Лера стряхнула иней с побелевших табличек, присела на скамейку рядом с могилой Татьяны, положила на гранитную плиту газету и цветы.

– Татьяна, здравствуй. Не знаю, слышишь ли ты меня теперь. Ведь я сделала то, о чём ты просила, и ты добилась того, что хотела. Наверное, тебе незачем здесь больше находиться... Знаешь, мне очень жаль, что с тобой такое произошло. Правда.

Она встала, положила игрушку на могилу Алёны, ещё раз взглянула на детское наивное личико, ручки, прижимающие к себе... белоснежного медвежонка!.. Того самого...

– Выходит, это её медвежонок, Алёны? Его не принесли на пожарище?

У Леры внутри всё похолодело. И нашёлся ответ на вопрос, бывший в мозгу.

– Ладно, Татьяна, – выдохнула, наконец, она, – если ты меня слышишь, то я освобождаю тебя от обещания, данного мне... ну, чтобы больше ко мне никого не пускать. Если есть кто-то ещё рядом с тобой, кому я могу помочь... то валяйте...

По позвоночнику полился тонкий холодок. Словно апрельский сквозняк пробрался под куртку.

Лера закрыла глаза и приготовилась.

Глава 5 Знакомство

14 января

Ромка долго бродил по городу, убивая время. Когда стемнело и заботливые мамочки увели ребятишек ужинать и укладывать спать, он устроился на детской площадке перед своим подъездом и ждал, когда погаснет свет в квартире. Это означало, что отчим с матерью легли спать.

Путь свободен.

Ромка вздохнул с облегчением и поплёлся к подъезду, на ходу дожёвывая чёрствую булку – остаток обеда.

На лестничной площадке, устроившись на портфеле, дремала девушка, бледненькая, в порванных по последнему писку моды джинсах, с рыжими растрёпанными волосами, но, в общем, симпатичная.

Он хотел пройти мимо. Но вдруг помочь человеку надо?

– Эй, ты чего здесь? – Парень аккуратно дотронулся до её плеча.

Девчонка ахнула и резко вскочила.

– Я что, уснула, что ли?

Ромка неуверенно улыбнулся:

– Ну, вроде того. Храпела так, что с первого этажа слышно было...

Девчонка шумно выдохнула и пробурчала:

– Чего допоздна шляешься? Я тебя с пяти часов жду здесь.

– Меня? – Ромка с интересом заглянул в серые глаза незнакомки.

– Ты Роман? – Парень кивнул. – Значит, тебя. Пойдём!

Она шагнула в сторону лестницы, уводя его выше на один пролёт.

Девчонка ему понравилась. Хорошенькая. И такая решительная. Он последовал за ней.

– А чего ты меня ждёшь? Позвонила бы...

Девчонка хохотнула:

– Как будто я твой телефон знаю!

– Ну, где живу узнала же как-то? Чего бы там же и про телефон не спросить? – резонно отметил парень, с любопытством разглядывая незнакомку. Она оказалась довольно высокой, младше его, только как камень собранная. Она точно знала, что ей нужно и как этого добиться.

Ему бы так...

– Мне, собственно, и адрес никто не сказал, – пробормотала она, пристраивая свой портфель на подоконник. – Меня сюда твой дед привёл.

Ромка похолодел. Он уставился на девчонку, думая, что та сейчас рассмеётся. Но злые шутки ему не нравились:

– Не смешно. Мой дед умер лет пять назад...

Любоваться незнакомкой расхотелось. Как, впрочем, и продолжать разговор. Ромка повернулся и начал спускаться к своей квартире, когда услышал звонкий, натянутый как струна, девичий голос:

– Он говорит, что ты ему обещал самолётик доделать... Тот, который антошка-коро-тыш...

Парень замер.

– Как? Как ты сказала?

Незнакомка оставилась на свой портфель: к замку был прилажен значок – жёлтая, улыбающаяся во весь рот рожица-смайлик.

– Твой дедушка говорит, что ты ему обещал самолётик доделать... антошка-коротыш. Я не знаю, что это означает... Тебе виднее должно быть. – И она пронзительно посмотрела на него в упор, словно горячей ртутью окатила.

У Ромки вспотели ладони.

Он вспомнил маленькую модель самолётика «Ан-140», «антошка-коротыш», которую они с дедом строили в то лето, когда тот был ещё жив. Ромка должен был раскрасить модель. А осенью деда не стало.

Он обещал деду, что принесёт самолётик, покажет, что у него получилось... Но... Всё как-то забылось.

Самолётик так и стоит у него в комнате с неокрашенным крылом на пыльной полке.

– Откуда ты знаешь? – Ромка приблизился к незнакомке, заглядывая в заострившееся лицо, запоминая выпуклые скулы, короткий завиток на виске, аромат ванили и шоколада, исходивший от неё.

Та даже бровью не повела:

– Твой дедушка. Он помнит, что ты обещал и не сделал. – Девушка забралась на подоконник. – Ты ещё говорил, что заберёшь его фотоальбом. Он так и валяется среди дедовых вещей. Его уже тётя Ира выбросить собирается. Дед беспокоится.

Тётя Ира – это мамина сестра. Ей дедов дом в деревне достался по наследству. Стоял пять лет, в него только летом приезжали, как на дачу. А в этом году они решили всё перестроить, в порядок привести и жить там постоянно.

Но Ромка всё ещё не верил. Эта девушка... Вдруг она просто его разыгрывает? Про самолётик – это может быть пальцем в небо, кто с дедом самолётиков не строил? Про тётю Иру – тоже совпадение...

Незнакомка внимательно на него посмотрела. Спокойно, без кокетства, словно рентгеном обожгла.

– Я людей умерших вижу, – подсказала она. – Вот твой дед пришёл ко мне, просил тебе кое-что передать.

– Так ты его видишь, деда моего? – Ромка икнул.

Незнакомка сощурилась, понимающе кивнула:

– Проверить хочешь? Валяй! У него борода была, глаза светлые, синие. Высокий, повыше тебя сейчас. Одет в красно-бордовую клетчатую байковую рубашку, тёплые треники. Когда говорит, губы так смешно вытягивает, – она чуть оттопырила нижнюю губу, – и то и дело цокает.

Ромка похолодел. Он запомнил деда именно таким: седым, в яркой клетчатой рубашке. А вот про то, как дед говорил – забыл совсем. А сейчас вспомнил.

Но хотелось убедиться окончательно. В голове мелькнула радостная мысль:

– Слушай, ты здесь посиди, я сейчас фотографию деда принесу, ты мне его покажешь!

Он слетел по ступенькам вниз, нарочито аккуратно щёлкнул замком, чтобы никого не разбудить, медленно и бесшумно открыл дверь.

Рыжеволосая девушка осталась одна, поджидая, пока недоверчивый собеседник явится с фотографией. Он прибежал через минуту.

– На, смотри, это он? – И Ромка открыл толстый фотоальбом со старыми, сильно пожелтевшими страницами. На неё смотрели спокойные, величественные лица пожилой пары, лукаво улыбался паренёк в шофёрской фуражке. Ромка показывал на большое групповое фото: военные лётчики расположились на траве. За спиной – бескрайняя степь и высокое-высокое небо.

Глава 6 Соня и Даша

14 января

Неуклюже скользя по ледяному насту, коварно присыпанному пушистым снегом, пере-скакивая через простенькие, почти утонувшие в сугробах неказистого московского дворика пеньки и качалки, пробиралась ученица десятого класса «Б» средней общеобразовательной школы номер 167 Софья Афанасьева.

Её вязаная шапка с большим помпоном съехала на макушку, выпустив на мороз тёмную пушистую прядь, шарф раскрутился и мёл дорогу, а полы коротенькой дублёнки ритмично били по закованым коленям. Она торопливо пробиралась сквозь надвигающиеся сумерки, шумно шмыгала носом и поминутно поглядывала на циферблат ручных часов.

– Да ч-чёрт-те чё! – ругалась она, в очередной раз поскользнувшись на спуске с оледенелого бордюра. – Ни фиги ж не видно!

Она едва не упала на грязный автомобиль, неловко припаркованный на тротуаре, ещё раз чертыхнулась и с силой дёрнула ручку своего подъезда. Со второй попытки дверь поддалась, протяжно скрипнув и пропуская девушку внутрь, в душный полумрак, пахнувший горячей сыростью и кошками.

– Дашка! Я уже тут! – проорала она вверх, на лестничную клетку, с топотом поднимаясь на второй этаж.

Из-за поворота показалось кислое лицо Дарьи Синицыной, её школьной подруги. Соня устало закатила глаза к потолку. Вот вечно так! Чуть что выпадает из графика – подождать пять минут или выйти раньше из дома – сразу такой недовольный вид.

– Я подумала, ты ушла, – тихим, бесцветным тоном пропела Даша, поправляя очки.

– Правильно сделала, что подумала, – кивнула Соня, напряжённо шуруя в карманах в поисках ключей.

– Мы вроде на пять договорились встретиться, – продолжала нудеть за спиной Дарья.

Сунув ключ в замочную скважину, Соня с силой толкнула входную дверь:

– А мы и встретились! – Часы в комнате как раз отстукивали пять раз. Она подняла вверх указательный палец: – Слышала? Всё по часам, как ты любишь!

И ввалилась в квартиру, на ходу сбрасывая модные угги, дублёнку, шапку с шарфом и кидая всё на пуфик у входа, потопала в кухню, по дороге нацепив растоптанные тапочки.

Там Соня с надеждой щёлкнула выключателем и взглянула на круглый абажур люстры – лампочка не загорелась: свет так и не дали. Как с утра выключили, так и «ведутся ремонтные работы». Хорошо, что у них газовая плита, хоть с голоду не умрёшь. А темнота... оно ничего, в задуманном деле точно не помеха.

– Есть будешь? – крикнула она подруге.

Из коридора послышалось одобрителное бульканье. Соня выглянула: ну, естественно, мисс «красота и порядок» уже аккуратно пристроила на вешалке свою куртку и теперь разбирает брошенные Соней вещи.

– Даш, оставь ты всё в покое. – Она подошла, забрала из рук подруги свою дублёнку и демонстративно кинула назад, на пуфик.

И вернулась в кухню. Даша, всё с такой же кислой миной, поплелась следом и села на табурет, отрешённо наблюдая за хозяйкой. Та достала из недр нижнего шкафчика старенький эмалированный чайник с почерневшим дном, налила в него воду и поставила на плиту. Чиркнув спичками, зажгла конфорку и вытащила из холодильника большое блюдо, прикры-

тое полотенцем, поставила на середину обеденного стола, рядом с белой непрозрачной вазой, доверху наполненной мелкими апельсинами.

Даша с любопытством повела носом и заглянула под накрахмаленное полотенце: пирожки с корицей.

– Сонь, а ты куда бегала-то? – спросила она наконец.

Соня как раз в этот момент вцепилась в пирожок, моргнула:

– Жа-шпишками.

– Чего?

– За спичками! – пришлось повторить, дожевав. – Днём со школы прихожу, а света нет. И спички заканчиваются. Вот и побежала, а то ж ни чай попить, ни свечи зажечь... Гадать-то будем?

Даша кивнула.

– А-а, а то я думаю, чего это мы в потёмках сидим, и ты чайник доисторический достала...

– Во-во. Лера, кстати, придёт? – Это их третья подружка, Лера Ушакова. Вместе с Дашей в музыкальную школу ходит. Только Даша на фортепиано играет, а Лера – на скрипке. Она переехала в другой район, но обещала являться и не теряться.

– Не, не придёт. Вроде как заболела, даже в музыкалку эти дни не ходит, – вздохнула девушка и тоже взяла пирожок.

Соня пристально посмотрела на подругу. Та приглядывалась к лакомству, словно выбирая то, что было достойно её внимания, и откусила кусок. Ни следов волнения, переживания и прочих душевных мук. Соня почувствовала, что звереет от любопытства.

– Чего к тебе Истомин сегодня подходил? – не выдержала она.

Даша от смущения перестала жевать. Нахмурилась и покраснела.

– Паша? В кино звал.

– Ого! – Соня округлила глаза в ожидании продолжения. Но подруга молчала как рыба, разглядывая пирожок. – А ты чего?

Даша смутилась ещё больше, щёки заалели, на шее появились красно-бурые пятна.

На плите шумно засопел чайник, эмалированная крышка стала заполошно подпрыгивать. Даша бросила на потрёпанную клеёнку пирожок, вскочила с табурета, заставив его жалобно скрипнуть, и, схватив с полки две кружки, сунула в них пакетики с заваркой и залила кипятком.

– Накрыть у тебя есть чем? – повернулась она к хозяйке.

Та как замороженная следила за действиями подруги, то и дело вздрагивая от грохота, их сопровождавшего.

– Чего? – переспросила она.

– Накрыть кружки есть чем? Иначе плохо заварится...

Соня выдохнула:

– Синицына, ты заколебала уже! Нормально всё заварится! Чего ты Пашке сказала-то?!

Даша выразительно замерла, неуклюже вытянув шею:

– Сказала, что занята: уроки у меня и на репетицию опаздываю.

Она исподлобья посмотрела на подругу: округлившиеся глаза, открытый рот и взгляд, полный бесповоротного сочувствия.

– То есть к тебе подошёл парень, по которому ты сохнешь с шестого класса, позвал тебя в кино, а ты сказала, что у тебя, блин, «уроки», и отказалась? Так? – Даша виновато кивнула. – Синицына, ты вообще нормальная?

Соня подпёрла голову, по-прежнему не сводя недоумевающего и сочувствующего взгляда с подруги.

– Сонь, мы всё-таки с тобой по-разному смотрим на эти вещи... – начала было Даша давно заготовленную фразу.

– Да знаю я всё, – перебила её Соня. – По-идиотски ты на них смотришь, понимаешь? Чего тут такого? – Даша молчала. – Ты же не во времена своих менуэтов и сонатин живёшь! А во времена рока и хип-хопа... Чуешь разницу? Там, – она показала куда-то за окно, – менуэты, а здесь, – она легонько постучала ладонями по столу, – современная жизнь, понимаешь? Ж-И-З-Н-Ь!!! И в ней есть кино, концерты, смартфоны, парни. С ними можно разговаривать, гулять без опасения быть сожжённой на костре.

Даша села напротив, тяжело вздохнула.

– Конечно, ты права, – она посмотрела в окно, – я – старомодная дура...

– Старомодная – согласна, насчёт дуры – я этого не говорила, – на всякий случай поправила Соня.

– Хорошо-хорошо, это я говорю, что я – дура. Но он подошёл, и я как-то растерялась... Не знаю, как это у меня вырвалось – про учёбу и репетиции... Я всё время кручусь между школой, музыкалкой и репетиторами... и вот, как-то вырвалось.

Соня с сомнением и жалостью посмотрела на подругу. Вот же незадача: и умница-отличница, и талантище, и человек хороший, и симпатичная, даже симпатичнее её, вон волосы какие блондинистые и без всякого мелирования. И очки ей идут. Но совершенно не приспособленная к жизни. Как она будет без неё, без Сони то есть? Ещё поступит в эту свою консерваторию – и всё, умрёт за нотами нецелованной... Правильно Лера говорит: Дашку надо брать на поруки и по рукам её, по рукам.

– Ладно, не хнычь, – примирительно пробормотала девушка. Кухня окончательно утонула в сизых сумерках, и смотреть друг на друга в потёмках становилось всё труднее.

За окном начиналась метель. Мутная взвесь извивалась, скручивалась в кольца, тоскливо и жалобно подвывал ветер. Словно острые коготки неведомого зверя, царапали стекло снежинки.

Соня достала из шкафчика серые свечи, перевязанные грубой бечёвкой, зажгла их. Показав горячий парафин на дно старенькой алюминиевой кастрюли, установила в неё свечи.

Всё ещё обдумывая что-то, взяла кружки с ароматным чаем, поставила на стол. Даша сразу потянулась к своей любимой, которую она же и подарила – ваниль с шоколадными нотами-восьмушками на стройном нотном стане.

– Что-нибудь придумаем.

– Что? – вздохнула Даша с отчаянием в голосе.

– Ну-у. Я приглашу его с Витькой в кино. Возьму тебя. Сходим вчетвером. Потом он тебя до дома проводит, как настоящий кавалер, а там уже, может, ты и перестанешь за уроки хвататься как за спасательную шлюпку...

Даша хохотнула. Но в тусклом освещении выглядела при этом ещё более несчастной.

– Слушай! – Соня наклонилась над столом. – Предлагаю выяснить вновь открывшиеся обстоятельства в ходе сегодняшнего гадания... Ты со мной?

В подъезде гулко хлопнула дверь. Послышались торопливые шаги на лестничной площадке.

Соня посмотрела на часы: почти шесть, скоро мама с работы вернётся.

– Пойдём, я тебе что-то покажу...

Она схватила кастрюльку со свечами и, проплыв мимо заинтригованной Даши, скрылась в полумраке коридора.

Квартира у Афанасьевых была небольшая: хоть и «трёшка», но в старом доме, с довольно странной, неудобной планировкой. Кухня выходила в длинный узкий коридор, где находились выходы из всех помещений: входная дверь, ванна и туалет, и традиционная в таких домах кладовка – с одной стороны, три двери в жилые комнаты – с другой.

Если бы ещё эти самые двери оказались со стеклянными вставками, было бы, наверно, уютнее, особенно сейчас – вечером, с отключенным электричеством и занимавшейся за окном непогодой.

Осторожно двигаясь за подругой, Даша невольно представила себя в древнем заброшенном замке – узкий проход, темнеющие проёмы комнат, тревожное поскрипывание паркета и худенькая девушка со свечами впереди. В довершение картины Соне не хватало длинного, в пол, платья.

– Ты чего там плетёшься? – прошептала подруга.

– Тут я... А ты чего шепчешь? – так же тихо отозвалась Даша.

Соня хохотнула, но не в полный голос:

– Не знаю, всё так торжественно... Смотри!

Она отошла немного в сторону, подняв высоко кастрюльку со свечами и позволив Даше оглядеться.

Они оказались в родительской спальне: тяжёлые шторы плотно задёрнуты, широкая кровать с массивным изголовьем в виде распутившейся лилии, мерцающие в свете свечей бра. Слева от входа, у стены, ловило отражение двух девушек громоздкое трюмо с овалом центрального зеркала.

– Класс, правда? – восторженно хвасталась Соня. – На Новый год себе купили обновку... Круть, да?

Даша зачарованно кивнула.

– И прикинь, что я ещё придумала. – Подруга поставила кастрюльку со свечами на трюмо, исчезла на мгновение в темноте коридора. В кладовке послышался грохот, словно посыпалось что-то мелкое, металлическое, потом – оханье и тихие ругательства.

– Сонь, тебе помочь? – Даша выглянула из спальни.

– Не-е, я уже тут. Оно лёгкое... на колёсиках...

Медленно разворачиваясь в узком коридоре, скрипя резиновыми тапками, девушка втаскивала в комнату нечто высокое, плоское, в деревянной оправе и на широкой нескладной подставке.

– Это что такое?!

Но подруга не отзывалась, кряхтя и шумно вздыхая. Даша не выдержала, схватила за угол деревянной рамы, потянула её на себя. Штуковина оказалась и впрямь не столько тяжёлой, сколько неудобной и большой: в высоту едва-едва прошла в дверной проём, а в ширину – вообще пришлось втягивать по очереди: вначале один угол, а потом второй.

– Та-дам! – Соня выровняла деревянную раму вычурного напольного зеркала.

Перед озадаченной Дашей встало её собственное отражение во весь рост: растрёпанные волосы, смущённый вид, стекляшки очков в модной оправе. В несмелых бликах свечей она увидела себя странно потерянной, словно чужой.

– Здорово, да? – не унималась Соня. – Это от старого гарнитура осталось, не дала продать. Буду у себя в комнате делать ремонт, его там пристрою. Раму только перекрашу, сделаю её светлой-светлой. Представляешь?

Даша представила и поморщилась.

– А зачем ты его сюда припёрла?

Соня, любовно поглаживавшая гладкое полированное дерево, встрепенулась:

– Как зачем? Гадать сейчас будем!

– На зеркалах? – Даша боязливо поёжилась.

– Конечно...

– Так вроде же в полночь надо?..

Соня развела руками:

– Ага, в полночь такие стучимся к мамке с папкой со свечкой: пустите в зеркало потарашиться, да? Синицына, не тупи!

Подруга пожала плечами.

– Ерунда это всё, не верю я...

Соня хитро прищурилась, приблизив лицо к самому Дашиному уху:

– А на суженого-ряженого? – Заглянув в глаза и прикусив нижнюю губу, томно добавила: – А если Пашка Истомин явится? А?

И гоготнула.

– А как? Ты знаешь? – с сомнением отозвалась Даша.

Подруга вскинула подбородок, закатывая выше локтя рукава тёмной клетчатой рубашки, торжественно подняла руки над головой и громоподобным голосом провещала:

– Я, потомственная ясновидящая, маг-виртуоз в третьем поколении, властелина духов и мирских врат, ведунья Софья, приглашаю тебя на сеанс супер-пупер-магии!!! Один взгляд сквозь магический кристалл – и твоё будущее у меня как на ладони!

– Афанасьева! Тебе никто не говорил, что в тебе пропадает народная артистка?

Соня хихикнула:

– Ладно, давай начинать, а то скоро мамка с работы придёт, весь кайф обломает своими советами!

Она подтолкнула подругу к зеркалам.

– Слушай сюда, – скомандовала девушка. – Встаёшь между зеркалами, типа в коридоре таком оказываешься. Говоришь: «Суженый-ряженный, покажись» – и ждёшь. В конце коридора появится фигура, когда окажется у тебя за спиной – смотришь быстренько и выбегаешь из коридора. Поняла? Только не оборачивайся – нельзя, говорят...

Даша кивнула, заворожённо оглядываясь вокруг:

– Кто говорит?

– Ну, бабки всякие... Гадалки. В инете прочитала.

– А-а, – понимающе протянула Даша. – А долго ждать?

Соня округлила глаза:

– Да кто ж его знает... Хорошо бы побыстрее, я ж говорю, мать скоро должна прийти...

Ну, рассказывай, что там видишь?

Даша заглянула в зеркальную мглу.

Здесь, внутри бесконечного коридора, оказалось прохладно. Она поёжилась, словно от сквозняка. Её отражение, мутное, неравномерно освещённое тусклыми свечами, казалось, начало жить своей жизнью – медленнее моргать, невпопад дышать. Или ей это только показалось?

– Даш, ну что? – донёсся издали голос подруги.

Девушка только отмахнулась:

– Если ты будешь каждую минуту меня спрашивать, что да как, то вообще ничего не получится. Сиди смиренно.

Соня вздохнула. Даша слышала, как скрипнули пружины матраса: подруга решила устроиться поудобнее.

Даша тоже придвинула к себе мягкий бархатный пуф и, глядя через жёлтое пламя свечей, прошептала: «Суженый-ряженный, покажись».

В ушах звенело. Казалось, что тишина нашёптывает что-то: сюда, в межзеркалье, проникали странные звуки – протяжный скрип открывающейся двери, грустное завывание ветра, негромкий шелест сухих листьев, тихий стук по стеклу. Зеркальная поверхность помутнела.

Даша вздрогнула: сквозь матовую пелену она отчётливо заметила фигуру. Она не успела разглядеть её, стала всматриваться внимательнее. Очень мешал туман, словно осенняя морось застилавший зазеркалье. Девушка решила, что это от свечей. Осторожно, чтобы их не задеть,

она провела рукой по холодной поверхности. Фигура мелькнула уже гораздо ближе, в нескольких метрах от неё, за спиной. Невысокий человек шагнул навстречу, то и дело исчезая за сумрачными колоннами.

Девушка наклонилась ближе, напряжённо ожидая увидеть лицо незнакомца, когда он снова мелькнёт в лабиринте зеркал.

Стекло покрылось мокрым туманом. Несколько капелек стекли по гладкой поверхности. Даша раздражённо провела рукой в очередной попытке вытереть его, но замерла от удивления – на неё, наклонившись к зеркалу и приглядываясь, смотрел молодой мужчина лет двадцати пяти, тёмные волосы чуть ниже подбородка, нос с горбинкой, лукавый взгляд. Пашка Истомин. Только старше и ещё красивее. Даша онемела, на миг забыв, что нужно делать – фигура была настолько реалистичной, настолько отчётливой, словно... словно повзрослевший Пашка и вправду стоял прямо за её спиной, словно он был здесь.

Не поворачиваясь, она осторожно посмотрела себе под ноги и под собственный локоть, назад, пытаясь рассмотреть человека за спиной. Она ожидала увидеть мужские ноги, но заметила лишь тень тонкой звериной лапы.

В нос ударил резкий запах тухлых яиц и гнилого мяса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.